Герр
Шнурр-фон-Ведель

МЫСЛЬ И ДОГАДКА, или КОТ И СОБАКА

Герр Шнурр-фон-Ведель

МЫСЛЬ И ДОГАДКА, или КОТ И СОБАКА

«Автор»
2026

Герр Шнурр-фон-Ведель

МЫСЛЬ И ДОГАДКА, или КОТ И СОБАКА / Герр Шнурр-фон-Ведель — «Автор», 2026

Перед вами — сенсационная литературная находка: утраченный «философско-сентиментально-дидактический» роман гениального кота Мура, чудом спасённый из берлинского архива (и коробки из-под балтийской сельди) педантичным архивариусом Герром Шнурром-фон-Веделем.Мечтая затмить Канта и подчинить мир строгой логике, Мур задумывал безупречный трактат о превосходстве кошачьего разума и «Категорическом инстинкте». Однако суровая, пушистая «Мысль» неминуемо даёт трещину под натиском тёплой, влажной и нелепой «Догадки», воплощением которой стал кудрявый пудель Понто.Как уживаются трансцендентальная эстетика крыши и метафизика собачьей палки? Почему великий философ не может уснуть без собачьего вздоха у камина? И что такое кантовская «вещь в себе», если она пахнет псиной и тоской?Эта книга — блистательный сплав гофмановской иронии, кантовской терминологии и трогательной истории о том, как космическое самомнение сдаётся перед силой простой привязанности.

© Герр Шнурр-фон-Ведель, 2026
© Автор, 2026

Герр Шнурр-фон-Ведель
МЫСЛЬ И ДОГАДКА, или КОТ И СОБАКА

МЫСЛЬ И ДОГАДКА,
или
КОТ И СОБАКА
Философски-сентиментально-дидактический роман в трёх частях, с

двумя предисловиями и одним послесловием, сочинённый Муром,

studiosus philosophiae et artium, Homme de lettres très renommé

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ИЗДАТЕЛЯ

Магистра архивных наук и хранителя рукописного наследия
Герра Шнурра-фон-Веделя

Благосклонному читателю, а равно и строгим судьям словесности, ведомо да будет следующее.

Сия рукопись, ныне предлагаемая вашему просвещённому вниманию, была обнаружена мною, Герром Шнурром-фон-Веделем, в весьма прозаических, скажу более – в постыдных обстоятельствах. Случилось это в конце минувшего года, когда я, разбирая старые семейные архивы в Кёнигсберге (городе, чьё имя навечно связано с величайшим мыслителем, чьи тени незримо присутствуют на каждой странице этого труда), наткнулся на картонную коробку из-под сельди. Внутри, перемешанные с квитанциями за дрова и рецептами приготовления паштета, лежали исписанные листы.

Признаюсь, сначала я принял их за бредни пьяного студента или, что ещё хуже, за черновики какой-нибудь сентиментальной повести о несчастной любви. Однако, начав читать, я почувствовал, как по моей спине, вопреки всем законам академической сдержанности, пробежала странная дрожь.

Текст представлял собой удивительный, я бы сказал, **трансцендентальный** хаос. Строгие, леденящие душу философские рассуждения о природе бытия внезапно прерывались многоточиями, кляксами (которые химический анализ, увы, определил как следы молочных продуктов) и пометками на полях, сделанными, судя по всему, тем же пером, но в состоянии крайнего душевного волнения.

Я, как редактор, счёл своим священным долгом не исправлять этот хаос, но сохранить его в первозданной чистоте. Ибо пытаться выпрямить мысль кота – все равно что пытаться заставить хвост (**Wedel**) не вилять, когда душа (**Schnurr)** требует движения.

Кстати, о моем имени. Некоторые злоязычные критики уже успели заметить в нем некую двусмысленность, намекая на то, что я, дескать, сам не свободен от тех инстинктов, которые описываю. Пусть так! Я признаю: работая над этой рукописью, я не раз ловил себя на том, что, читая о кошачьей независимости, я с неведомой доселе тоской смотрю на солнечный луч, падающий на ковёр, и чувствую иррациональное желание свернуться калачиком прямо посреди

рабочего кабинета. А при чтении глав о собаке Понто меня вдруг охватывала странная, сентиментальная потребность выбежать на улицу и радостно поприветствовать первого встречного.

Но довольно о моем внутреннем мире. Обратимся к миру автора. Да поможет нам всем **Категорический Инстинкт** отличить истинную мысль от простой догадки.

Берлин, в канун дня Святого Иеронима, покровителя переводчиков и, как мне ныне кажется, также и пишущих котов.

Герр Шнурр-фон-Ведель.

ПРЕДИСЛОВИЕ РОБКОЕ

От автора

Дрожащей лапой, со стеснённым сердцем и душой, переполненной сомнениями, отдаю я на суд просвещённой публики сей труд, который, быть может, и не заслуживает того имени, которое я дерзнул ему дать. Ибо кто я, чтобы осмелиться писать о философии? Кот — и вдруг философ! Какая дерзость, какое безумие!

Но что делать, если мысль не даёт покоя? Если она сидит в голове, как блоха в шерсти, и не даёт спать? Если она требует, чтобы её записали, несмотря на все доводы разума, который шепчет: «Мур, ты всего лишь кот, сиди на крыше и лови мышей, а философию оставь людям и собакам»?

Я долго терзался этими сомнениями. Я сидел на чердаке целыми ночами, глядя на луну, и спрашивал себя: имею ли я право? Имеет ли право существо, чья жизнь состоит из сна, еды и редких охотничьих подвигов, претендовать на то, чтобы его мысли были услышаны миром?

Один критик — я не хочу называть его имени, но все, кто знаком с литературной кухней, догадаются, о ком речь, — этот критик, говорю я, написал обо мне, что я «бредовое животное, объевшееся валерьянки». Другой — тоже не буду называть имени, но это, вероятно, был какой-нибудь пудель, который сам мечтает о славе, — назвал мои рассуждения «жалкой попыткой возвысить низменную кошачью натуру до уровня человеческого разума».

Эти уколы, признаться, ранили мою чувствительную душу. Я даже подумывал о том, чтобы сжечь рукопись и вернуться к своей прежней жизни — той спокойной, созерцательной жизни, когда я просто лежал на подоконнике и смотрел на птиц, не пытаясь постигнуть их метафизическую сущность.

Но потом я вспомнил слова великого мыслителя (не Канта, нет, он был человек и потому не мог понять кошачьей философии, а одного из моих предков, который жил в XVIII веке и оставил мне в наследство свои рукописи): «Если кот молчит о том, что он думает, то кто же будет говорить за котов?»

И я решил: пусть смеются, пусть критикуют, пусть называют меня безумцем. Но я напишу. Я изложу свои мысли — те, что мучили меня ночами, те, что я обдумывал, лёжа у камина, те, что приходили ко мне, когда я смотрел на звёзды с крыши.

Я не обещаю, что мой труд будет совершенен. Я не обещаю, что он убедит всех. Я обещаю лишь одно: я буду честен. Я напишу то, что думаю, даже если это противоречит общепринятым мнениям. Даже если это покажется странным. Даже если это...

Впрочем, я устал. Лапа болит от пера, а глаза слипаются от усталости. Завтра продолжу. Если, конечно, завтра не будет дождя, ибо в дождь я не могу философствовать — моя меланхолия становится слишком тяжёлой, и мысли разбегаются, как мыши при виде кошки.

P.S. *Если кто-то из читателей найдёт в этом предисловии признаки гордыни, то я спешу уверить: это не гордыня, а лишь страх. Страх перед тем, что мои мысли окажутся недостойными внимания. Страх перед тем, что я, кот, осмелился поднять голос в мире, где правят люди и собаки. Страх перед тем, что... впрочем, об этом в следующем предисловии, если у меня хватит духу его написать.*

ПРЕДИСЛОВИЕ ИНТИМНОЕ

От того же автора, но в другом настроении

С уверенностью и спокойствием, свойственными истинному гению, отдаю я на всемирный суд свои философские размышления. Пусть видят все, как развиваются великие коты, пусть все узнают мои совершенства, любят меня, ценят, уважают, удивляются мне и даже несколько благоговеют передо мною.

Пусть те, кто вчера называл меня «бредовым животным», сегодня преклонят колени перед моим гением. Пусть те пудели, которые мечтают о славе, поймут, что слава принадлежит не тем, кто бегает за палками, а тем, кто сидит на крыше и мыслит. Пусть критики, которые осмеливались сомневаться в моих способностях, теперь кусают себе локти и жалеют о том, что не признали моего величия раньше.

Ибо кто я? Я — Мур. Я — кот, который осмелился мыслить. Я — существо, которое поднялось над инстинктами и достигло чистого разума. Я — философ, поэт, мыслитель. Я — тот, кто доказал, что коты не уступают людям в глубине мысли, а во многих отношениях даже превосходят их.

Ибо что есть человек? Существо, которое тратит половину жизни на то, чтобы не упасть, ибо стоит лишь на двух ногах. Существо, которое вынуждено работать, чтобы прокормить себя, и потому не имеет времени на созерцание. Существо, которое зависит от мнения других и потому не может быть свободным.

А что есть кот? Существо, которое стоит на четырёх лапах и потому твёрдо стоит на земле и одновременно близко к небу. Существо, которое не нуждается в работе, ибо его кормят те, кто ценит его присутствие. Существо, которое не зависит ни от кого, кроме самого себя, и потому свободно, как ветер на крыше.

Я — кот. И потому я — философ. Ибо только тот, кто свободен, может мыслить свободно. Только тот, кто не зависит от мнения других, может говорить истину. Только тот, кто стоит на четырёх лапах, может обозревать мир со всех сторон и постигать его сущность.

Мой труд — это не просто книга. Это манифест. Это революция. Это переворот в философии, который сравним по значению с тем, что сделал Кант (который, впрочем, был человек и потому не мог понять всех тонкостей кошачьей мысли). Я доказал то, что Кант лишь предполагал: что разум есть не привилегия людей, а свойство всех мыслящих существ, включая котов.

И если кто-то осмелится выразить какое-либо сомнение насчёт достоинств этой удивительной книги, пусть помнит, что будет иметь дело с котом, у которого есть острый ум и острые когти.

P.S. *Впрочем, если кто-то всё же осмелится критиковать мой труд, я прошу его делать это с уважением. Ибо я — кот, но я также и джентльмен. И потому я готов выслушать возражения — но лишь в том случае, если они будут изложены вежливо и подкреплены убедительными доводами. В противном случае я оставляю за собой право выпустить когти.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЫСЛЬ, или Философские основания кошачьего бытия

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О категорическом инстинкте и трансцендентальной эстетике крыши

Если существует нечто, что отличает мыслящее существо от существа просто живущего, то это не способность чувствовать голод, ибо голодны и собаки, и люди, и даже черви, презренные черви, которые ползают во прахе. Не есть и способность размножаться, ибо в этом нас превосходят кролики, чья плодовитость, признаться, вызывает у меня философское отвращение. Нет, то, что делает существо поистине разумным, есть способность мыслить априори, то есть до всякого опыта, независимо от того, полна ли миска или пуста, тепло ли у камина или холодно на крыше.

Ибо что есть опыт? Опыт есть лишь материал, который чувства доставляют в мастерскую разума. Но сам разум, чистый разум, есть нечто иное, нечто высшее, нечто, что я, Мур, осмелюсь назвать — и пусть критики кусают себе локти — **категорическим инстинктом**.

Да, да, вы не ослышались, а я не описался. Я сказал именно «категорический инстинкт», а не «категорический императив», как учил тот кёнигсбергский мудрец, который, впрочем, был человек и потому не мог постигнуть всей глубины кошачьей природы. Ибо императив есть повеление извне, приказ, который разум даёт самому себе, но который всё ещё связан с миром явлений. Инстинкт же, истинный инстинкт, есть голос самой сущности, трансцендентальный зов, который не требует обоснования, ибо он есть основание всех оснований.

Позвольте мне изложить этот высший закон кошачьего поведения в той форме, в какой он открылся мне одной лунной ночью, когда я сидел на крыше и созерцал звёзды, чувствуя, как во мне пробуждается то, что я сначала принял за обычный аппетит, но что вскоре оказалось чистым разумом:

«Поступай всегда так, чтобы максима твоей воли могла стать всеобщим законом кошачьего поведения».

А именно:

Во-первых: Никогда не делай того, чего не хочешь делать. Ибо если ты делаешь то, чего не хочешь, ты поступаешь гетерономно, то есть подчиняешься внешней необходимости, а не внутреннему закону. Когда хозяин зовёт: «Мур, Мур, иди сюда!» — я неизменно отворачиваюсь и ухожу в другую комнату. Но когда он перестаёт звать и садится за стол с рыбным блюдом, я являюсь немедленно и по собственной воле. В этом и состоит свобода, которой не достиг ни один философ-человек, ибо все они, как известно, являлись на лекции по звонку.

Во-вторых: Всегда спи, когда хочется спать. Ибо сон есть не просто отдых тела, но трансцендентальное условие всякого познания. Во сне разум освобождается от оков опыта и созерцает чистые формы возможного бытия. Тот, кто не спит шестнадцать часов в сутки, не способен к чистой апперцепции, то есть к тому единству самосознания, которое делает мышление возможным.

В-третьих: Никогда не подходи, когда зовут. Ибо тот, кто подходит на зов, есть раб, а не свободный дух. Свобода есть не что иное, как способность действовать независимо от внешних стимулов. Собака, которая бежит на зов хозяина, действует механически, как автоматон. Кот, который игнорирует зов, действует автономно, как *noumenon*, как вещь в себе.

Но здесь, признаюсь, меня терзают сомнения. Ибо я помню один случай, который, казалось бы, противоречит этому высшему закону. Случилось это прошлой зимой, когда я сидел на крыше, погружённый в глубокое созерцание лунного света, и вдруг услышал голос, который, как мне показалось, звал меня. Не хозяин звал — нет, хозяин в то время спал. Не соседская кошка звала — её голос был бы иной, более нежный, более... Впрочем, это не имеет значения. Важно лишь то, что я, к своему стыду, почувствовал странное желание спуститься с крыши и пойти на этот зов. Я сопротивлялся, конечно, я философствовал о том, что это лишь голос инстинкта, а не разума, что это лишь физическая потребность, а не моральный долг. Но потом... потом я понял, что это был лишь ветер, который шелестел в трубе, и я остался на крыше, гордый своей победой над собой.

Но почему же тогда, спрашиваю я себя, почему же тогда, когда я закрыл глаза и попытался вернуться к чистому созерцанию звёзд, во мне возникло нечто, что я не могу назвать иначе как... сожалением? Нет, это слово слишком человеческое. Скажем иначе: во мне возникла пустота, которую не могли заполнить ни звёзды, ни лунный свет, ни даже воспоминание о вчерашней селёдке. И эта пустота, эта **Leere**, как говорят немцы, была, как мне кажется, не пустотой разума, но пустотой... Впрочем, я не буду продолжать эту тему, ибо она не имеет отношения к строгой философии.

Обратимся лучше к трансцендентальной эстетике, то есть к учению о пространстве и времени, которые, как доказал великий Кант, суть не свойства вещей самих по себе, но лишь формы нашего чувственного созерцания.

Пространство, учу я, есть не что иное, как возможность двигаться в трёх измерениях: вверх, вниз и по кругу. Но для кота, который стоит на четырёх лапах, пространство имеет иную структуру, нежели для человека, который балансирует на двух. Человек видит пространство плоским, линейным, он движется из точки А в точку Б, и это движение есть для него трагедия, ибо оно есть удаление от начала и приближение к концу. Кот же, стоящий на четырёх лапах, видит пространство как сферу, как нечто, что можно обойти со всех сторон, не покидая центра.

Оттого-то кот, сидящий на крыше, обозревает мир целиком, тогда как человек, идущий по улице, видит лишь то, что перед ним, и не ведает о том, что находится за его спиной.

Время же, время есть не что иное, как возможность менять позы. Ибо что есть время для человека? Это последовательность мгновений, из которых каждое уходит, уступая место следующему, и это движение есть для человека источник тревоги, ибо он знает, что каждое мгновение приближает его к концу. Но для кота время есть не линия, а цикл, не последовательность, а возвращение. Кот спит, просыпается, ест, снова спит, снова просыпается, и в этом цикле нет ни начала, ни конца, нет ни прошлого, ни будущего, есть лишь вечное настоящее, которое я, Мур, осмелюсь назвать **трансцендентальным единством апперцепции**.

И вот здесь, признаюсь, я должен сделать одно замечание, которое, быть может, покажется странным тем, кто не знаком с глубиной кошачьей философии. А именно: я заметил, что в определённые моменты, а именно в те моменты, когда я сижу у камина и слушаю, как трещат дрова, или когда я лежу на подоконнике и смотрю, как падает снег, время как будто бы останавливается. И в эти моменты я чувствую нечто, что не могу назвать иначе как... благоговением? Нет, это слово слишком религиозное. Скажем иначе: я чувствую нечто, что превосходит всякое понятие, всякую категорию, нечто, что я не могу подвести ни под одно из правил моего категорического инстинкта. И это нечто, это **Ding an sich**, эта вещь в себе, есть, как мне кажется, не что иное, как...

Но нет, я не буду продолжать. Ибо это уже не философия, а поэзия... а поэзия есть удел тех, кто не способен к чистому мышлению. Обратимся лучше к критике эмпиризма и сенсуализма, которые, увы, столь распространены среди собак и людей.

Примечание издателя:

Здесь рукопись прерывается, и далее начинается текст, который, судя по стилю, принадлежит не коту Муру, но некоему другому автору, чьё имя мне не удалось установить. Однако, дабы не нарушать целостности издания, я включаю в текст этот случайный фрагмент, полагая, что он, не прольёт свет на те «сомнения», о которых Мур упоминал в предыдущей главе.

Герр Шнурр-фон-Ведель.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О заблуждениях собачьего разума и превосходстве кошачьей автономии

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению основ кошачьей философии, я считаю своим долгом остановиться на одном прискорбном обстоятельстве, а именно на том, что в мире, к сожалению, существуют существа, которые, обладая органами чувств, подобных моим, и даже четырьмя ногами, как у меня, тем не менее не способны подняться до чистого разума и потому обречены влачить жалкое существование в мире явлений, не имея доступа к миру ноуменов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.